

УДК 327

DOI: 10.17748/2075-9908.2015.7.5/1.034-038

КАМНЕВА Евгения Игоревна,
аспирантка кафедры мировой политики факультета
международных отношений

KAMNEVA Evgeniya Igorevna,
Postgraduate Student at the Chair of Global Politics,
School of International Relations

ЭВОЛЮЦИЯ БАЛАНСА СИЛ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В XXI ВЕКЕ

EVOLUTION IN THE BALANCE OF FORCES DISTRIBUTED AMONG THE GREAT POWERS IN THE XXI CENTURY

Правомерно ли говорить об эволюции «баланса сил» в современной системе международных отношений и проекции данного процесса на решения Совета Безопасности ООН, несущего и по сей день ключевую ответственность за обеспечение и поддержание мира в глобальном измерении? Что сегодня представляет собой категория «баланса сил» (что мы подразумеваем, с одной стороны, под силой, а с другой стороны, под балансом)? Каково современное состояние сложившегося или не сложившегося баланса среди «великих держав»? Ответы на данные вопросы составляют суть основы данной статьи, которая относится к дискурсу о современном мировом порядке (прежде всего его конфигурации), актуальность которого по мере увеличения числа кризисных ситуаций в мире все более возрастает.

Whether one could correctly consider evolution in the «balance of forces» in the contemporary setup of international relations, and projection of this trend to resolutions of the UN Security Council who still bear key responsibility for ensuring and maintaining peace over the world? What is that category of «balance of forces» nowadays (i.e. what do we imply when talking about “force (power)”, on the one hand, and the “balance”, on the other?) What is the current state of the balance among the «great powers», whether it has taken shape or not? Answers to these questions made the essence of this paper, referring to the discourse on the contemporary world order (especially on its shape), and relevance of this matter raises along with the growing number of critical situations round the world.

Ключевые слова: международные отношения; баланс сил; великие державы; неореализм; США; Китай; Россия; Франция; международная система; международная структура; гегемония; однополярность; многополярность.

Key words: international relations; balance of power/forces; Great Powers; neorealism; US; China; Russia; France; international setup; international political framework; hegemony; mono-polarity; multi-polarity.

Практическое рассмотрение вопроса требует уточнения категорий, определяющих методологические, а соответственно, и идейно-концептуальные рамки исследования. Эволюция в данной статье рассматривается как процесс изменения системы международных отношений от одного состояния к другому. Данное изменение характеризуется автором как мирный процесс на фоне кризисных явлений, с одной стороны являющихся следствием существующего в каждый отдельный исторический момент состояния международной структуры, а с другой стороны – стимулами к изменению данной структуры. Категория «баланс сил» рассматривается в его неореалистической трактовке, где баланс предполагает некоторую уравнивающую конфигурацию крупнейших (системообразующих) государств, стремящихся, однако, не к сохранению status quo в целях обеспечения собственной безопасности в существующей системе (К. Оултц, «оборонительный реализм»), а к его нарушению (Дж. Миршаймер, «наступательный реализм»), а сила предстает как совокупность мощи государства (в категориях экономической, военной, культурной и политической мощи при доминировании «мягкой силы»), проецируемая вовне и обеспечивающая принятие решений на глобальном уровне, в национальных интересах конкретных государств.

В мире в целом наблюдается определенного рода консенсус относительно того, каким баланс сил клуба великих держав был в начале XXI века и в каком направлении он развивался, однако по вопросу о том, каково его текущее состояние и в каком направлении будет идти его дальнейшее развитие, такого рода консенсус отсутствует, что не в последнюю очередь связано и с несовершенством политического прогнозирования, и с разницей в подходах среди представителей различных стран.

Алексей Демосфенович Богатуров, характеризуя международную систему вплоть до 2008 г., именует ее «плюралистической однополярностью», что подразумевает под собой существование сверхдержавы в лице Соединенных Штатов Америки, которые отстроили систему «под себя», что, в свою очередь, предполагает существование наряду со сверхдержавой плюралистичного управляемого мира, ценностным фундаментом которого выступают идеи демократии, свободы и уважения прав человека. Ученый подмечает, что подобный характер международная система сохраняла вплоть до вторжения Соединенных Штатов Америки в Ирак в 2003 г., после которого началось последовательное саморазрушение «плюралистической однополярности» [1]. Необходимо учесть, что подрывом такой системы стала не только и даже не столько собственно война в Ираке, которая существенно ударила по экономике США и испортила имидж не только Вашингтону, но и его союзникам, но систему в ее ценностно-институциональном фундаменте подорвала, прежде всего, «доктрина Буша», согласно которой Соединенные Штаты оставляли за собой право превентивных действий в любой точке мира в

ущерб национальному суверенитету других государств в случае возникновения опасности для национальных интересов Белого дома. Сам факт того, что США провозгласили свое право односторонних силовых действий в глобальном масштабе, не мог не вызвать противодействия со стороны суверенных государств, которые с этого момента начали движение в сторону политики балансирования по отношению к гегемону системы.

«Однополюсная гегемония» – так Анатолий Иванович Уткин характеризует международную структуру, существовавшую в середине 2000-х гг. Более того, оценивая реальные возможности Соединенных Штатов Америки как в военном, культурном, так и в экономическом плане, ученый отмечает, что США еще длительное время будут оставаться доминирующей силой в мире, поскольку ее конкуренты пока не готовы и не имеют достаточных ресурсов, чтобы бросить вызов самому мощному государству системы, таким образом, контрабалансу в системе еще только предстоит сложиться. В своем труде он проводит анализ большого количества работ зарубежных исследователей и совместно с ними приходит к заключению, что международная структура будет развиваться в сторону многополярности, однако какой именно полюс прежде всего составит конкуренцию США – это вопрос открытый. В качестве главных претендентов на роль контрабаланса в существующей системе А.И. Уткин определяет Китай и Европейский Союз [2].

Близкую в некотором отношении точку зрения к А.Д. Богатурову занял в 2007 г. Николя Саркози, когда, вступая в должность президента Французской республики, он характеризовал современную ему международную структуру как состояние «относительного могущества», что подразумевает существование многополярности в отсутствии абсолютного могущества каких-либо центров силы, при этом многополярность эта имеет конфронтационный характер, то есть достижение кооперации между государствами становится все более редким явлением в виду того, что в отсутствие доминирующего центра силы другие государства системы стремятся руководствоваться, прежде всего, собственными внешнеполитическими интересами и защитить не только свою территорию, но и свои политико-экономические интересы за пределами национальных границ. Рассуждая об относительном могуществе государств, Н. Саркози среди новых центров силы называет Китай, Индию, Бразилию и Россию, которые наряду с США и старыми европейскими государствами получают возможность участия в развитии международной системы [3]. Будучи членом Европейского Союза, Франция, однако, с ее деголлевской внешнеполитической традицией, как, собственно, и Великобритания постблэровского периода, стремится к самостоятельной и активной внешней политике, к расширению зоны партнерств и усилению традиционных союзов. Оба эти государства и, прежде всего, их внешнеполитические амбиции ставят под вопрос потенциальные возможности Европейского Союза как целостного образования стать самостоятельным полюсом силы в мире.

Достаточно критично к характеристике текущей международной ситуации подошел Збигнев Бжезинский, указывая в своей работе на откровенные провалы во внешней политике Соединенных Штатов Америки, начиная с президентства Джорджа Буша-младшего. Он также, как и А.Д. Богатуров, указывает на то, что после 2003 г., развязав сомнительную, по мнению многих союзников, войну в Ираке, США остались практически наедине с созданными собственными руками проблемами в самом центре Ближнего Востока, поддерживаемые единичными союзниками и номинальными партнерами в регионе. Мэтр современной американской политической мысли утверждает, что США при любом исходе ожидает «неуклонная и в конечном итоге роковая утрата способности играть ведущую роль на мировой арене» [4]. Он полагает, как и многие другие эксперты-международники, что приблизительно к 2025 г. международный баланс принципиально изменится за счет окончательного формирования контрабаланса и лидерство перейдет не к другому государству, а распределится между несколькими государствами, так претендентами являются Япония, Китай, Россия, Индия, некоторые члены Европейского Союза. Однако, рассуждая в духе отцов-основателей школы политического неореализма [5], Зб. Бжезинский констатирует, что складывающаяся многополярность будет представлять собой хаос, где каждое из государств стремится исключительно к защите собственных интересов в условиях жесткой конкуренции за влияние и ресурсы [6].

Консолидирующей и взвешенной можно обозначить точку зрения Федора Александровича Лукьянова. В своей позиции он исходит из того, что однополярность сохранялась вплоть до 2003 г., а начиная с войны в Ираке и до 2010 г. развитие системы протекало в русле того, что Н. Саркози назвал состоянием «относительного могущества», когда «неудачи США накладывались на быстрый подъем (Китай, Индия) или восстановление (Россия) незападных держав» [7]. Этот период характеризуется институциональным кризисом системы, которая исчерпала себя и не отвечает мировой повестке. Для всех участников системы становится очевидным тот факт, что предстоит перегруппировка сил, баланс сил в том виде, как он сложился после холодной войны не отвечает реальным возможностям и потребностям государств и что системе предсто-

ит изменить свою структуру, то есть, говоря словами Кеннета Уолтца, системе предстоит трансформация на уровне ее структурных свойств [8]. Однако предсказать, в каком направлении будет меняться баланс сил, политолог считает невозможным, поскольку существуют различные варианты прогноза его развития.

Варианты развития баланса сил будут напрямую зависеть от способностей государств реализовать свои возможности, в первую очередь от того, смогут ли государства выработать устойчивые механизмы проецирования во вне своего могущества, которое сейчас, скорее, представляет собой потенциал влияния; от той стратегии, которую выберет Европейский Союз – станет ли он действовать как самостоятельный игрок или останется младшим союзником США, либо его отдельные члены смогут взять на себя роль независимых центров силы; от того станет ли Россия балансиrom между Китаем и США или присоединится к одному из полюсов силы, заняв подчиненное положение; от того, как Китай сможет урегулировать свои взаимоотношения и, прежде всего, территориальные споры с государствами в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона и как будет развиваться его экономика. Множество переменных и возможных вариантов их поведения будут влиять на то, каким станет общий баланс сил после перегруппировки. В настоящий момент, очевидно, мы находимся на этапе, когда каждое из государств стремится определить свою роль, заручиться поддержкой союзников, задействовать свои рычаги давления и «мягкой силы», нарастить свои ресурсы, прежде всего, экономические и военные. В условиях, когда изменения неизбежны, прежде всего, США заинтересованы в максимальном сохранении своих позиций, а конкурирующие государства, такие как Индия, Китай, Россия, стремятся эти позиции ослабить. Из потенциальных центров силы, пожалуй, в ослаблении США меньше всего заинтересованы Япония и Европейский Союз (в том числе Франция и Великобритания), которые находятся под зонтиком безопасности своего главного военного и экономического союзника. Подобный расклад позиций с очевидностью предполагает длительный и постепенный путь изменения баланса сил, когда государства будут вынуждены открыто объявить свои позиции и приступить к структурированию системы на новых основаниях.

Правоммерно сказать, ссылаясь в том числе на авторитетных экспертов-международников, что баланс сил эволюционирует и начало его эволюции положила не сама по себе «доктрина Буша», а события, произошедшие в США 11 сентября 2001 г. Его эволюция не завершена, она проходит различные этапы, и можно выделить ключевые кризисные события, с одной стороны, приведшие к его изменению, а с другой стороны, ставшие результатом ослабления США и динамичного развития незападных государств. К таким событиям различные авторы относят множество международных кризисов, начиная с терактов 11 сентября и заканчивая перманентными угрозами Ирану со стороны США, которые достигли своего пика в 2013 г. Мы полагаем, что из всего множества можно выделить три группы таких событий:

1. *Синдром однополярности.* К этой группе можно отнести взаимосвязанную череду событий: теракт 11 сентября 2001 г. в США, провозглашение «доктрины Буша», военная операция в Афганистане и война в Ираке.

Оказавшись атакованными в сентябре 2001 г., США, пользуясь своим положением гегемона и рассчитывая на свои превосходящие другие страны ресурсы, ввели войска на территорию Большого Ближнего Востока, где и по сей день им не удалось достичь даже подобия мира. Эти затяжные войны не только больно ударили по экономике США, но создали зону дестабилизации в центре Большого Ближнего Востока, в том числе обострив на территории Ирака и сопредельных государств вопрос взаимососедства суннитов и шиитов, чреватый перманентными кровавыми конфликтами, а также подорвали отношения с рядом ближайших союзников. Данная группа событий активизировала среди потенциальных конкурентов не только Россию, но также Китай, Индию и Францию.

2. *Системные кризисы.* К этой группе относятся международный финансовый кризис и грузино-южноосетинский конфликт, произошедшие в 2008 г.

Финансовый кризис, безусловно, сказался на всех странах мира в большей или меньшей степени. Значительный ущерб понесли, прежде всего, западные государства и их финансовые международные центры: США, Великобритания, Франция. Существенный урон был нанесен экономике Китая, России и Индии, которые, будучи членами БРИКС, поставили перед собой задачу разработки альтернативных финансовых инструментов, способных обеспечить им коллективную защиту от западной финансовой конъюнктуры. Процесс идет медленно, но важен тот факт, что вопрос был поднят и задача была поставлена. Более того, именно финансовый кризис 2008 г. заставил Китай расширить свои рынки сбыта, налаживая тесные отношения в зоне АТР, что вынудило Барака Обаму в конечном итоге начать политику сдерживания Китая в зоне Тихого океана. Таким образом, подрыв репутации доллара и западной финансовой системы стали стимулом для незападных государств к активизации своей политики в направлении сбалансирования действий США. Грузино-южноосетинский кризис стал, прежде всего, той от-

правной точкой, после которой Россия «внятно» объявила о своих национальных интересах и тех пределах, до которых она будет попустительствовать действиям Европейского Союза и США в зоне бывших союзных республик.

3. *Ближневосточный котел*. В эту группу входит такое событие Арабского Востока, как «арабская весна» и перманентный кризис вокруг ядерной программы Ирана, обострившийся в 2013 г., когда президент США не исключал возможности военного нападения на страну в случае прекращения ею своей программы по разработке ядерного оружия.

Ситуация вокруг Большого Ближнего Востока, где в 2010 г. начались стихийные восстания сначала на территории Северной Африки, а потом на Аравийском полуострове, приведшие в конечном итоге к гражданской войне в Сирии, развалу государственности в Ливии, обострению суннитско-шиитского конфликта и в целом к напряженности по периметру границ многих государств в этом регионе, усугубляемая ядерной программой Ирана, стала отправной точкой для Китая, когда у него не осталось пространства для маневрирования, и единственное, что он мог – открыто объявить о своих претензиях на роль регулятора наравне с США в деле обеспечения стабильности и мира в данном регионе, под которыми также очевидно просвечиваются экономические и политические интересы Поднебесной, в данном аспекте оказавшейся стратегическим партнером России. Франция и Великобритания стремятся заработать на этих кризисах как экономически, так и политически, однако, «теряя лицо».

Обозначенные группы событий стали вехами в эволюции баланса сил, когда США, как самый мощный элемент существующей международной системы, своими действиями либо решениями способствовали выкристаллизовыванию позиций других государств, более четкому определению их зон национальных интересов и усилению и расширению инструментов реализации этих интересов. Само структурное давление, о котором писал К. Уолтц, вынуждает другие государства противостоять гегемону, создавая противовес, а США своей политикой односторонних действий этому только способствуют.

Международная структура, несмотря на изменяющийся баланс сил, остается стабильной архитектурой, покоящейся на определенной институциональной основе, которая, как заметил Ф.А. Лукьянов, переживает кризис, не в последнюю очередь именно потому, что на данную институциональную основу проецируются изменения в балансе. Так, ООН, оставаясь ключевым институтом системы, испытывает на себе ее давление, связанное со сдвигами в балансе, пока не на уровне структуры, но на уровне принятия политических решений. Резолюции, принимаемые, а также не принимаемые Советом Безопасности ООН по Сирии и Ирану, демонстрируют, что баланс сил проецируется в ключевые институты системы и его изменение в сторону формирования контрбаланса по отношению к США ставит под угрозу способность Штатов принимать политические решения в национальных интересах страны, то есть, по сути, для США сокращаются возможности проекции своей мощности вовне.

Вопрос того, в каком направлении эволюционирует баланс сил, представляется крайне актуальным, но трудно прогнозируемым. Возникновение новых потенциальных глобальных полюсов силы (Китай, Индия, Япония), либо возрождение ранее существовавших (Франция, Россия, Великобритания) приведет к перестановке на шахматной доске. Однако какова будет конфигурация новой партии и достаточными ли окажутся ресурсы тех, кто ее начнет – вопрос отдаленного будущего, к которому США неизбежно подталкивают мир.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Современная мировая политика: Прикладной анализ / Под ред. А.Д. Богатурова. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 239-257.
2. Новый мировой порядок / А.И. Уткин. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 315-441.
3. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012): Научное издание / Е.О. Обичкина, – М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 339-342.
4. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / Збигнев Бжезинский. – М.: Астрель, 2012. – С. 114.
5. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации: Уч. пособие / П.А. Цыганков, Г.А. Дробот, М.М. Лебедева и др.; под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2008. – С. 51-57.
6. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / Збигнев Бжезинский. – М.: Астрель, 2012. – С. 118-120.
7. Стратегия XXI (версия для обсуждения) // Совет по внешней и оборонной политике URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2014/02/11strategy21_external.pdf (дата обращения: 03/05/2015).
8. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории / В.Н. Конышев. – СПб.: Наука, 2004. – С. 54-78.

REFERENCES

1. Modern world politics: Applied analysis. [Sovremennaiia mirovaia politika: prikladnoi analiz]. Under the editorship of A.D. Bogaturov. Moscow, Aspekt Press, 2010. pp. 239-257. (in Russ)

2. Utkin A.I. New world order. [Novyi mirovoi poriadok]. Moscow, Algoritm, Eksmo, 2006. pp. 315-441. (in Russ)
3. Obichkina E.O. The foreign policy of France from the de Gaulle to Sarkozy (1940-2012). [Vneshiaia politika Frantsii ot de Gollia do Sarkozi (1940-2012)]. Moscow, Aspekt Press, 2012. pp. 339-342. (in Russ)
4. Zbigniew Brzezinski. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. [Strategicheskii vzgliad: Amerika i globalnyi krizis]. Moskva, Astrel, 2012. p. 114. (in Eng; Russ)
5. Tsygankov P.A., Drobot G.A., Lebedeva M.M. International relations: theories, conflicts, movements, organizations. [Mezhdunarodnye otnosheniia: teorii, konflikty, dvizheniia, organizatsii]. Under the editorship of P.A Tsygankov. Moscow, Alfa-M, INFRA-M, 2008. pp. 51-57. (in Russ)
6. Zbigniew Brzezinski. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. [Strategicheskii vzgliad: Amerika i globalnyi krizis]. Moscow, Astrel, 2012. pp. 118-120. (in Eng; Russ)
7. Strategy XXI (version for discussion). Council on Foreign and Defense Policy. Available at: http://svop.ru/wp-content/uploads/2014/02/11strategy21_external.pdf
8. Konyshchikov V.N. American neo-realism about the nature of the war: the evolution of political theory. [Amerikanskii neorealizm o prirode voiny: evoliutsiia politicheskoi sistemy]. Sankt-Peterburg, Nauka, 2004. pp. 54-78. (in Russ)

Информация об авторе

Камнева Евгения Игоревна, аспирантка кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

Jane.kamneva@gmail.com

Получена: 07.05.2015

Information about the author

Kamneva Evgeniya Igorevna, Postgraduate Student at the Chair of Global Politics, School of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg city, Russia

Jane.kamneva@gmail.com

Received: 07.05.2015